

УДК 82.0

РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ПРОЗЕ А. ВАРЛАМОВА: ТРАДИЦИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

© Латухина Анна Леонидовна (2023), ORCID: 0000-0001-5150-969X, SPIN-код: 1590-9730, Researcher ID: O-1465-2018, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Российская Федерация, 603002, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1), alatuhina@yandex.ru.

© Степанов Артём Сергеевич (2023), ORCID: 0000-0002-3786-6663, SPIN-код: 3486-5509, старший преподаватель, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1), artemstep123@yandex.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках реализации государственного задания на проведение прикладных научных исследований по теме «Лингвокультурная адаптация инофона в условиях нового урбанистического пространства: национально-региональный компонент» (соглашение № 073-03-2023-029).

Данная статья посвящена творчеству одного из наиболее ярких представителей современной русской прозы – А. Варламова. Объектом исследования стала малая проза писателя, а также его романы и повести «Рождение», «Лох», «Купавна», «Здравствуй, князь!», «Душа моя Павел», «Дом в деревне». Проблематика исследования связана с выявлением особенностей воплощения русского культурного кода в прозе писателя, которого в современном литературоведении видят продолжателем традиций деревенской прозы. Именно типологическая связь с творчеством деревенщиков позволяет выявить доминанту русского культурного кода, воплощенную в пространственной антиномии город – деревня. В исследовании рассмотрены ключевые топосы данной оппозиции, особое внимание уделяется мифологеме «дом» и образу храма как ключевым для русского православного сознания. В ходе исследования было обнаружено, что наиболее частотным городом в прозе Варламова является Москва, причем не только ее центр, но и окраины. Культовыми зданиями в городе для героев становятся Кремль, храмы, здание МГУ. Выбор локации, как городской, так и деревенской, во многом обусловлен биографией самого писателя, да и сами сюжетные ситуации носят автобиографический характер. Сюжетные ситуации, связанные с центральным персонажем, и в малой прозе, и в романах и повестях имеют определенное сходство: герой переезжает из одного пространства в другое (из города в деревню и наоборот). Локализация персонажа в пространстве

города или деревни, его перемещение из одного пространства в другое в поисках смысла жизни, веры, самого себя порождает особый тип героя, о котором также говорится в данной статье.

Ключевые слова: Варламов, деревенская проза, русский культурный код, город, деревня.

Одним из ключевых подходов к анализу произведений современной литературы является их осмысление в историко-литературном контексте: выявление традиций и новаторства, рецепции сюжетных ситуаций, мотивов, интертекстуальности и т.д. Обозначая связь современной неореалистической литературы с классической, литературоведы отмечают, что она «стала памятью русской литературной классики для некоторых русских писателей и критиков. Такое сохранение является отстаиванием в русской литературе основных идей и художественных элементов, имеющих глубокую национальную культурную основу» [Чжан Цзяньхуа 2011, 11]. Исследователи связывают формирование культурного кода в русской литературе с художественным осмыслением традиционных ценностей русской культуры в её историческом развитии, что создает условия для сохранения национальной идентичности [Евдокимова 2022; Чжан Цзяньхуа 2011]. Таким образом, в художественной литературе культурный код определяет преемственность образной, идейной, мотивной структур в литературном процессе [Лебедева 2022, 351].

Русская классическая литература с самых своих истоков пыталась так или иначе осмыслить особенности русского характера, национального культурного кода. Для писателей-реалистов XIX века важно было социальное положение персонажей: чем ближе они были к простому народу, к фольклору, тем ярче могли проявиться в них «национальные» черты. Так, А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой выстраивают систему персонажей по принципу «народности»: герои с «русской душой» отличаются высокой степенью морали и нравственности, естественностью, отсутствием лицемерия и фальши в отличие от героев «света». Для Ф.М. Достоевского доминантой русского культурного кода является православие, именно отношение к вере становится основой для моделирования системы персонажей в его «великом пятикнижии».

Главные герои русской литературы всегда находятся в поиске истины, смысла жизни, в обретении веры. О.К. Евдокимова считает ключевой позицией русского культурного кода «стремление челове-

ка к самосовершенствованию», а «христианскую мораль – основой системы нравственных ценностей» [Евдокимова 2022, 30]. В.Ю. Даренский, размышляя о «диалогическом» коде русской литературы, который транслируется и в современной прозе, пишет, что «ей свойственно неустанное искание Истины, придающей жизни смысл, и крайнее отвращение к бездумному, хотя бы и очень комфорtnому существованию. Человек, «раненый» русской культурой, независимо от национальности, наверняка не сможет уже стать «машиной желания», в которую его превращает современная цивилизация» [Даренский 2017, 37].

В художественном мире русской классики задана система пространственных координат, которая также способствует раскрытию национального культурного кода. Традиционными становятся пространственные антиномии Москва – Петербург, столица – провинция, город – деревня. Последнее противопоставление стало особенно актуально в ряде художественных текстов 70-80-х годов XX века, объединенных понятием «деревенская проза». Именно эти писатели – В. Белов, В. Распутин, В. Астафьев – стремились к сохранению национального культурного кода, к возвращению православных традиций [Евдокимова 2022].

А. Варламов, представитель современной неореалистической прозы, является продолжателем традиции писателей-деревенщиков, о чем пишут А.С. Немзер, Ю.А. Счастливцева, Т.А. Федорова [Немзер 1998; Счастливцева 2007; Федорова 2012]. Анализируя особенности пространственной структуры прозы А. Варламова, Т.А. Федорова говорит о «бытийном» пространстве, в котором развивается лейтмотив всей прозы писателя – «противопоставление деревни (с ее картинами природы, хронотопом весны или осени, вечера или раннего утра, «звездного неба», «лесного озера», традициями изображения деревенского быта) и города как средоточия зла и ненависти» [Федорова 2012, 13]. Именно этот мотив и связывает писателя с представителями «деревенской прозы», для которых русский культурный код прежде всего связан с деревней, домом, традициями, передающимися из поколения в поколение. Типичная сюжетная ситуация большинства рассказов, повестей и романов Варламова – герой, проживающий в городе (чаще всего это Москва), уезжающий в деревню в поисках смысла жизни, гармонии или, наоборот, приезжающий из провинциального города в Москву, а затем убегающий из столицы. Если город в представлении А. Варламова ассоциирует-

ся со съемной квартирой с тараканами («Попугай на Оке») или собственной, но лишенной уюта: «просторной, по-осеннему прохладной... где все отличалось когда-то крепостью, добротностью и порядком, а теперь медленно приходило в запустение» («Рождение») [Варламов 2021, 29], то пространство деревни строится вокруг дома. Сам дом является своеобразной отправной точкой в русской модели мира, ключевым культурным кодом.

Проза Варламова автобиографична: он превращает собственную биографию в неисчерпаемый источник разнообразных сюжетов, подвергая реальные факты поэтической обработке и преобразуя конкретные события собственной жизни в художественные тексты, следя традиции «нового биографизма» (термин Н.Л. Лейдермана) – «результат ревизии традиционной (модернистской) концепции личности как некоей целостности» [Бреева 2012]. В 2021 году вышла новая книга А. Варламова, где во вступительной статье писатель вспоминает, как в начале 1990-х он приобрёл избу-пятистенок на севере Вологодской области в среднем течении речки Вожеги [Варламов 2021]. Это событие – приобретение дома – и культурно-экологический ландшафт тех мест Варламов описал в рассказах «Галаша» (1992), «Старое» и в двух повестях: «Дом в деревне» и «Падчевары».

Мифологема «дом» у Варламова имеет четкую структуру. Писатель противопоставляет понятия «дом» и «изба» в отличие от деревенщиков. Варламов в слово «дом» вкладывает онтологический, философский смысл, а в понятие «изба» – бытовой, помещение для комфортного проживания: «Ночуй здесь, – говорила баба Надя. – У тебя, поди, и изба-то выстыла, и иди далеко» [Варламов 2010а, 290].

Целью героя Варламова в повести «Дом в деревне» была покупка дома в северной деревне, для того чтобы обрести там воображаемые деревенские корни, которых у москвича в третьем поколении в деревне не было и быть не могло. В.Ю. Даренский видит особую сложность обретения истины в мире, «заполненном «симилярами» – тенями теней, – за которыми уже почти невозможно рассмотреть даже простую и грубую, вполне осознательную реальность» [Даренский 2017, 37]. В поисках истины Варламов и его герои отправляются в деревню. В одном из интервью Варламов признавался: он считал в молодости, что в России стать настоящим писателем может только выходец из деревни. Деревенская проза научила Вар-

ламова видеть истоки духовности в деревенском жителе. Писатель и поселяется в деревне с изначальным желанием понять прекрасного русского человека, под впечатлением прочитанного «Лада» В. Белова найти следы рухнувшей цивилизации. Однако из этого ничего не выходит, потому что извечное противостояние деревни и города находит художественное воплощение в повести. «Городское» и «деревенское» настолько удалены друг от друга, что между ними разверзлась непроходимая пропасть непонимания: «Жители деревни делились на тех, кто жил постоянно, и тех, кто приезжал на лето – их звали отпускниками. Между отпускниками и коренными иногда случались стычки в местном магазине, когда кончался хлеб, и своим не доставалось» [Варламов 2010а, 273].

Если отношения непонимания между героями вполне реалистичны, то отношения главного героя с купленным домом описаны метафорично. Нельзя обрести корни, которых нет. Дом, который вначале казался идеальным, таковым и остается, но не принадлежит человеку духовно. «Мое положение в деревне было изначально фальшивым. У них не было ничего кроме покосившихся изб, комарья, разбитых дорог и заброшенности – а у меня городская квартира, Москва, другая жизнь. Мы стояли на разных берегах, и даже общей юности, родни и могил у меня с ними тоже не было» [Варламов 2010а, 310].

Показательно для раскрытия темы «неприятия» деревней городского жителя сопоставление схожих сюжетных ситуаций в «Плотницких рассказах» В. Белова и «Доме в деревне» А. Варламова. У Белова главный герой Константин Зорин сближается духовно со своим соседом Олешей Смолиным во время ремонта бани, герой Варламова, тоже решивший ремонтировать баню, расходится с деревенским обществом «в ту пору, когда <...> задумал строить баню» [Варламов 2010а, 301].

Однако типологическая близость мифологемы «дом» в прозе Белова и Варламова проявляется в структуре произведений. Дом у Белова является организующим центром, вокруг которого вращаются речки, озера и баня-родственница, и у Варламова дом «со всех сторон <...> окружает ничем не закрытая линия горизонта, уходящая за дальние холмы и леса», в результате чего кажется, «что дом как будто нарочно поставлен в самом центре идеальной окружности и всё вращается вокруг него» [Варламов 2010а, 233–234].

Главный герой приобретает этот дом, потому что чувствует, как «дом действительно, казалось, стоял и дожидался» его «много лет» [Варламов 2010а, 234], но местные жители к чужаку относятся с подозрением. Как говорилось выше, между горожанином с московской квартирой и деревенскими жителями лежит пропасть, и дело даже не в материальном положении, а в том, что река, изгибавшаяся и уходившая в ту сторону, где светилось небо, «кусты деревень», белые ночи, утренние и вечерние зори – все это принадлежало исключительно жителям деревни, которые имели на этой земле свои корни. Да и сам герой повести отдает себе отчет, что домом эта не им, не «отцом, не дедом и не прадедом срубленная изба все равно никогда не станет» [Варламов 2010а, 241].

Отказывая герою в духовном принятии его домом, Варламов вместе с тем отмечает особенность избы, которая и привлекла столичного жителя и «заставила» его купить этот дом. Он сохранил свою аутентичность, не «превратился» в квартиру: «Главная достопримечательность моей избы состояла в том, что ее не успели переделать внутри на городской манер, как почти все здешние "квартиры". В ней не было ни обоев, ни побеленных потолков, ни полированной мебели, ни покрытых линолеумом полов. В просторной чистой горнице стояли вдоль стен широкие лавки, посредине стол и русская печь. Гладко обтесанные еловые бревна излучали янтарно-розовый свет. Меж теплых бревен темнел мох. Окна, которые не мыли лет двадцать, сияли чистотой, как перед Пасхой. Сам дом был полон странных гулких звуков, так что его, как раковину, можно было слушать часами» [Варламов 2010а, 239]. Но этот дом не принимает своего нового хозяина: «Все изгоняло меня отсюда...» [Варламов 2010а, 239]. Не было кухонной утвари, не было инструментов для ремонта дома. Отторжение началось с бытовых моментов, а закончилось неприятием «чуженина» деревенскими: в дом начинают залезать воры и т.д.

Дом души должен изначально принадлежать человеку, и в художественном мире А. Варламова есть такой дом – это дача в Купавне. Главный герой романа «Купавна» Колюня каждое лето уезжает туда с бабушкой. Там он общается со своими сверстниками, с родственниками, которые также часто приезжают погостить на купавинской даче. Именно в Купавне Колюня растет как личность.

Мифологема «дом» в этом романе раскрывается в интерьере дачного домика. Над бабушкиной кроватью висит вытканный ковер,

на котором изображены дом у реки и лодка с пожилым рыбаком. Мальчики хотели этот дом непременно найти. И далее читаем, что «дача таким домом не была. Она была большой колыбелью, с которой для каждого начиналось постижение мира, поначалу ограниченное садом, затем огромной улицей, потом участками и, наконец, всей загородной стороной» [Варламов 2000а, 8].

Когда Колюня взрослеет, он часто приезжает сюда, в Купавну, чтобы побывать наедине с собой вдали от городской сути, поразмышлять о жизни, прочувствовать эту незримую связь поколений, которые собирались много лет на дачной террасе. Иными словами, дом души в творчестве Варламова имеется, хотя это и не беловский дом с огромными стропилами, в котором «все срослось и скипелось в одно целое, лучше не трогать этих сроднившихся бревен, не испытывать их испытанную временем верность друг другу» [Белов 1987, 485].

Мифологема «дом» раскрывается у Варламова и в ряде других произведений. В романе «Лох» герой отрывается от своего дома – московской квартиры – и странствует, ищет себя в жизни, но свой дом, где можно зацепиться корнями, к сожалению, не находит. В сентиментальной повести «Здравствуй, князь!» главный герой Саввушки покидает свой дом, отправляется учиться в Москву и по счастливой случайности поступает на филологический факультет МГУ. Оканчивает его, успешно поступает в аспирантуру, но из-за определенных обстоятельств вынужден все бросить, отправляется домой – в небольшой городок на берегу Белого озера, который «чем-то, наверное, похож на безымянный остров, куда его выкинуло волной, и значит, все еще сбудется» [Варламов 2017, 114]. В повести «Ева и Мясоедов» бабушка Варламова со своим семейством вынужденно покидает дом – квартиру возле Тюфелевских бань, так как началась Великая Отечественная война, семья отправилась в эвакуацию, но при первой возможности Мария Анемподистовна со своими детьми возвращается в Москву в тесную комнату коммунальной квартиры.

В рассказе А. Варламова «Попугай на Оке» место действия – Тёплый Стан. Сам топос окраин Москвы, а Тёплый Стан географически является ее районом, в художественном мире А. Варламова воплощает хронотоп «провинциального города». Основой образа становится характерная для русской классической литературы модель провинциального города, с присущими ей способом изображе-

ния пространства, характеристикой персонажей, средствами художественной образности. С одной стороны, в русской литературной традиции топос провинции закрепился как царство зла, пошлости, хаоса – он является доминантой провинциального текста, с другой стороны, провинциальный город – это среда, где сохраняются нравственные устои и культурные традиции, среда независимого социального и духовного развития.

Рассказ начинается с описания места жительства героя: «Это было в тот год, когда я окончил университет и, уйдя из родительского дома, снимал однокомнатную квартиру в Теплом Стане. И до и после нее я сменил много разных адресов, но такого скверного жилища у меня не было никогда. Маленькая, метров в пятнадцать комната с облезлыми желтыми обоями, затертым полом, покрытым обшарпаным грязно-розовым линолеумом, с низкими потрескавшимися потолками и крошечной кухней, она накалялась летом так, что в ней было невозможно находиться и открытые окна не помогали даже ночью. На кухне не было холодильника и табуреток, зато в изобилии водились тараканы...» [Варламов 2010б, 276]. Пространство душного съемного жилья напоминает описания интерьера в романах Ф.М. Достоевского: несмотря на столичный статус, в доме царят разруха, грязь. Духота вынуждает героя выйти на улицу, где он проводит ночь.

Уже в начале повествования вводится антиномия родного дома и съемной квартиры, Варламов иронически обыгрывает притчу о блудном сыне, ушедшем от своих родителей в поисках свободы. Тоска заставляет героя изо дня в день гулять по московским улицам: «В маленькой квартирке было тоскливо, я бродил по Москве, наматывая километры на московских улочках и бульварах...» [Варламов 2010б, 277]. Связь с городом обрывается, и это тоже является доказательством того, что место обитания героя скорее можно отнести к «провинциальному тексту», а не к «московскому». Жизнь окружающих героя людей бессмысленна, с его точки зрения: «Не то чтобы я был честолюбив и мечтал о карьере или необыкновенной жизни, но, глядя на сорокалетних сумрачных мужиков, которые много лет подряд ходили с девяты до пяти на одну и ту же работу и стреляли друг у друга деньги до зарплаты, я с ужасом спрашивал себя, неужели стану таким же» [Варламов 2010б, 278]. Монотонность жизни еще более усугубляет ситуацию. Говоря о своем друге Норвегове, герой

отмечает: «Мы оба думали, что все у нас в жизни временно, пили коньяк и мечтали о другой жизни» [Варламов 2010б, 279].

Т.А. Федорова делит персонажей прозы Варламова на динамических (героев пути) и статических (героев быта) [Федорова 2012, 13]. Герои пути перемещаются в пространстве по определенной траектории – из мира цивилизации (пространства города) в мир природы (деревня, сад, дача), что отражает «духовное пространство человека, жизнь души, духа, высших устремлений». Одним из развлечений героев рассказа «Попугай на Оке» было путешествие по окрестным городам. Таким путешествием оказывается поездка на Оку под Серпухов: «Мы плыли до поздней ночи, и приставать к берегу не хотелось, ночь была теплая, звездная, какие редко случаются в начале мая. Вода тихо плескалась возле бортов лодки, соловьи в прибрежных кустах пели, как сумасшедшие. Мы бросили весла, курили и смотрели, как нас уносит течение...» [Варламов 2010б, 285]. В финале рассказа две счастливые пары возлюбленных вдалеке от провинциального города, на даче, любуются красотой звездного неба: «Ночь была ясная, звездная, где-то лаяли собаки, падали в саду яблоки, и было слышно, как далеко гудит электричка» [Варламов 2010б, 290]. Жизнь города, однообразная, скучная, сменяется деревенским идиллическим пейзажем.

Для А. Варламова русский национальный культурный код немыслим без православия. Его герои-неофиты находятся в поиске веры и обретения себя. Для писателя, как и для любого верующего человека, архитектурной доминантой любого города, формирующего его неповторимый образ, становятся храмы. Концептуально важными представляются сюжетные ситуации произведений Алексея Варламова, в которых визуально появляется образ храма и звучит мотив прихода героев к вере. Этот мотив встречается в романе «Лох», повести «Рождение», рассказах «Таинство», «Покров», «Со-чельник». Мотив поиска духовного пути, сопряженного с паломничеством, звучит и в романе «Душа моя Павел»: «Павлик шел себе и шел. Показалась деревня и церковь с погнутым крестом» [Варламов 2019, 313]. Павелдвигается к храму мимо кладбища, на пороге его встречает священник – Непомилуев собрался креститься: «Он читал по слогам [молитву], ничего не понимая, не соображая, не чувствуя и не ощущая» [Варламов 2019, 318]. Стоит сказать, что Павел после обряда крещения заболел и бредил. Иными словами, приход к вере в данном случае был неосознанным, но непреодолимая сила толкала

его к этому. Причем, надо отметить, что Павлу на тот момент было 17 лет, художественное же время романа – 1980-й год – время, когда духовные искания строителей коммунизма шли вразрез с воцерковлением и приходом к вере.

В романе «Лох» московский храм видится главному герою Александру Тёзкину «запущенным, ветхим, с сырьими разводами на стенах, трещинами, облупившейся росписью и немногими иконами» [Варламов 2010б, 137]. Храм возвышается над «грязными московскими улицами», «старыми домами», «бульварами с прошлогодними листвиями», над барами и зданиями, напоминающими мемориальными досками о революционном прошлом. Обращаясь к топонимике, представленной в тексте романа, можно предположить, что «высоченная церковь» (по упоминанию Чистопрудного бульвара) – это Меншикова башня, или церковь Архангела Гавриила, построенная по заказу сподвижника Петра I Александра Меншикова.

Выстраивает своеобразную иерархию храмов Москвы священник из рассказа «Таинство»: «Священник глядел на них (прихожан) с амвона и с тоской думал о том, что хорошо бы ему было служить не в этой церкви в неуютном новом микрорайоне, а в приличном месте – на Ордынке, в Обыденской или на Неждановой, где собирается интеллигенция» [Варламов 2014, 8]. Иными словами, Москва в восприятии персонажа структурно представляет собой вертикаль, на вершине которой – центр Москвы, сосредоточение духовности, образованности и интеллигентности, в основании вертикали – неуютные окраины с публикой, не знающей, для чего вообще она ходит в церковь. Священнослужитель на мгновение забывает, что Бог везде, а не только в центре Москвы, в намоленных храмах, – и в этом его грех, который он искупает в конце рассказа, причащая пришедшую в храм женщину Марию.

При каждом православном храме, как правило, располагалось кладбище. Так, например, Колюня, главный герой романа «Купавна» пугается огромного городского Никольского кладбища, а в то же время тихое сельское кладбище и заброшенная церквушка в селе Кудиново вносят в душу ребенка покой и умиротворение. Мальчик с восторгом смотрит на огромные своды, фрески на стенах храма и выражает свое благоговение пионерским салютом. Благодаря посещению храма, пусть и заброшенного, главный герой романа обретает единение с природой, которого ему не хватало в родной Москве: «Земля качнулась и поплыла вместе с мальчиком по сверкающей

реке, он провалился в полу забытье, точно наблюдая за собою спящим извне, и спал, как в младенчестве» [Варламов 2000б, 101].

Москва, увиденная глазами провинциала Павла Непомилуева из романа «Душа моя Павел», совмещает несколько смысловых начал. Во-первых, Москву Павел всегда сравнивает со своим родным закрытым городом Пятисотым, который даже не обозначен на карте:

– Никто не должен о нашем городе знать. <...> Потому что наш город – это самое важное, что есть в нашей стране.

– Главнее, чем Москва?

– Главнее, сын [Варламов 2019, 78].

Во-вторых, уже при первом знакомстве Москва Павлу кажется «хаотичной»: на башни Кремля, излучину Москвы-реки и стадион Лужники юноша смотрит с крыши здания филологического факультета МГУ. Герой лишен инициативы выбора пути: город одновременно и выталкивает чужака из своего пространства, и не отпускает его: «Павлик с любопытством посмотрел на не пожелавший принять его город, на главное здание университета и разбросанные вокруг корпуса, точно стремясь всё это запомнить, прежде чем навсегда уйти» [Варламов 2019, 54].

Главный герой повести «Здравствуй, князь!» Саввушка поражен Москвой: «По обеим сторонам широких улиц высился прижатые друг к другу угромые дома, мимо проносились бесчисленные автомобили, автобусы, троллейбусы – всё звенело, шумело, извергало облака дыма и выхлопных газов. Всюду были толпы людей, невероятно торопливые и праздные одновременно» [Варламов 2017, 19]. Герой оглушен, растерян, с трудом удерживается от того, чтобы в ту же минуту не броситься домой, «навсегда забыв про этот страшный безликий город» [Варламов 2017, 19]. Однако первое впечатление меняется после того, как Саввушка увидел здание со шпилем и звездой, главное здание МГУ. Он почувствовал невыносимо острое желание победить этот город, заставить его признать себя и впустить как равного. Саввушке это удается, но затем, пройдя через ряд испытаний, ощущив вкус побед и горечь поражений, он все равно приезжает в свой родной маленький поселок.

В творчестве Варламова Москва показана в восприятии героев, причем зачастую в составе оппозиции: «родной провинциальный город – Москва», город – деревня. Для Варламова и его героев город – средоточие сил, разрушающих нравственную цельность человека, лишающих его национального культурного кода, связи с при-

родой, естеством, традициями. Городские декорации оттеняют растерянность и беззащитность перед лицом перемен провинциала – трагического героя рубежа веков. Именно город засасывает в свои сети улиц человека, не дает ему уйти. Как в повести «Дом в деревне» главный герой хочет убежать из города в деревню, но и деревня чужака-москвича не принимает, так и провинциалы вроде Саввушки или Павла Непомилуева, однажды оказавшись в Москве, уже не могут самостоятельно определять свой жизненный путь: московский поток несет их сквозь улицы, бульвары и переулки. Вместе с этим Москва неизменно привлекает и провинциалов, и сами москвичи не могут жить без своего города. В этом – неповторимая загадочность огромного мегаполиса, в который все стремятся и из которого хотят все выбраться.

Таким образом, Алексей Варламов типологически сближается с писателями-«деревенщиками» в аспекте поиска смысла жизни, обретения духовности. В контексте современной русской литературы, ставящей перед собой цель понять особенности русской культуры, истории, позиция А. Варламова представляется значимой, плодотворной. Его герои, несмотря на все препятствия, находят свой путь в жизни, стремятся обрести свои корни, восстановить эту прервавшуюся связь поколений, они честны прежде всего перед Богом, перед окружающими, варламовские «чудики» (Непомилуев, Тезкин) являются своеобразными «героями нашего времени», ищущими русский национальный культурный код.

Источники

- Белов 1987** – Белов В.И. *Рассказы и повести*. М., 1987.
- Варламов 2000а** – Варламов А.Н. *Купавна* // Новый мир. 2000. № 10. С. 7–67.
- Варламов 2000б** – Варламов А.Н. *Купавна* // Новый мир. 2000. № 11. С. 85–129.
- Варламов 2010а** – Варламов А.Н. *Повесть сердца*. М., 2010.
- Варламов 2010б** – Варламов А.Н. *Последние времена*. М., 2010.
- Варламов 2014** – Варламов А.Н. *Мария и Вера*. М., 2014.
- Варламов 2017** – Варламов А.Н. *Стороны света*. М., 2017.
- Варламов 2019** – Варламов А.Н. *Душа моя Павел*. М., 2019.
- Варламов 2021** – Варламов А.Н. *Ева и Мясоедов*. М., 2021.

Литература

- Бреева 2012** – Бреева Т.Н. «*Новый биографизм* в современной русской литературе» // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 14–17.

Даренский 2017 – Даренский В.Ю. Диалогический «код» русской литературы // Культурные коды русской литературы. Уфа. 2017. С. 34–36.

Евдокимова 2022 – Евдокимова О.К., Иванова И.К., Федяй С.В. Культурный код в русской литературе второй половины XX века (концепции и особенности воплощения) // Эпомен: филологические науки. 2022. № 2. С. 26–39.

Немзер 1998 – Немзер А.С. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998.

Счастливцева 2007 – Счастливцева Ю.А. Проза Алексея Варламова 1980-1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2007.

Федорова 2012 – Федорова Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Астрахань, 2012.

Чжан Цзяньхуа 2011 – Чжан Цзяньхуа. Сохранить классику: русская реалистическая литература в постсоветский период // Русская литература и искусство. 2011. №. 1 С. 11–19.

THE RUSSIAN CULTURAL CODE IN A. VARLAMOV'S PROSE: TRADITIONS OF RUSTIC PROSE IN THE DEPICTION OF THE CITY AND VILLAGE

© Latukhina Anna Leonidovna (2023), ORCID ID: 0000-0001-5150-969X, SPIN code: 1590-9730, Researcher ID: O-1465-2018, candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minina (Russian Federation, 603000, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1), alatuhina@yandex.ru

© Stepanov Artyom Sergeevich (2023), ORCID ID: 0000-0002-3786-6663, SPIN code: 3486-5509, senior lecturer, Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minina (Russian Federation, 603000, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1), artemstep123@yandex.ru

This article is devoted to the work of one of the most prominent representatives of modern Russian prose - A. Varlamov. The object of the study was the writer's small prose, as well as his novels and tales "Birth", "Loch", "Kupavna", "Hello, prince!", "My soul Paul", "House in the village." The problems of research are associated with the identification of the peculiarities of the embodiment of the Russian cultural code in the prose of the writer, who in modern literary criticism is seen as a successor to the traditions of village prose. It is the typological connection with the villagers that makes it possible to identify the dominant of the Russian cultural code, embodied in the spatial antinomy of the city – village. The study considers the key *topos* of this opposition, special attention is paid to the mythology of the "house" and the image of the church as key for the Russian Orthodox

consciousness. In the course of the study, it was found that the most frequent city in Varlamov's prose is Moscow; not only its center, but also the outskirts. Cult buildings in the city are the Kremlin, churches, the building of Moscow State University. The choice of location both urban and rural is largely due to the biography of the writer himself, and the plot situations themselves are largely autobiographical in nature. The plot situations associated with the central character, both in small prose and in novels and short stories, have certain similarities: the hero moves from one space to another: from city to village and vice versa. The localization of a character in the space of a city or village, his movement from one space to another in search of the meaning of life, faith, himself generates a special type of hero, which is also mentioned in this article.

Keywords: Varlamov, village prose, Russian cultural code, city, village.

References

(Articles from Scientific Journals)

Бреева 2012 – Breyeva T.N. "Novyy biografizm" v sovremennoy russkoy literature ["New Biographism" in modern Russian literature]. Filologiya i kul'tura, 2012, no. 4(30), pp. 14–17. (In Russian).

Евдокимова 2022 – Evdokimova O.K., Ivanova I.K., Fedyai S.V. *Kul'turnyy kod v russkoy literature vtoroy poloviny XX veka (kontseptsii i osobennosti voploschcheniya)* [Cultural code in Russian literature of the second half of the 20th century (concepts and features of embodiment)]. Epomen: filologicheskiye nauki, 2022, no. 2, pp. 26–39. (In Russian).

Чжан Цзиньхуа 2011 – Chzhan Tszyan'khua. *Sokhranit' klassiku: russkaya realisticheskaya literatura v postsovetskiy period* [Save the Classics: Russian Realistic Literature in the Post-Soviet Period]. Russkaya literatura i iskusstvo, 2011, no. 1, pp. 11–19. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Даренский 2017 – Darenksiy V.Yu. *Dialogicheskiy "kod" russkoy literature* [The dialogic "code" of Russian literature]. *Kul'turnyye kody russkoy literature* [Cultural codes of Russian literature]. Ufa. 2017. pp. 34–36. (In Russian).

(Monographs)

Немзер 1998 – Nemser A.S. *Literaturnoye segodnya. O russkoy proze. 90-e* [Literary today. About Russian prose. 90s.]. Moscow, 1998.

(Thesis and Thesis Abstracts)

Счастливцева 2007 – Schastlivtseva Yu.A. *Proza Alekseya Varlamova 1980-1990-kh gg.: zhанрово-стилевое своеобразие* [Alexey Varlamov's prose of the 1980s and 1990s: genre and style originality]. PhD Thesis Abstract. Magnitogorsk, 2007. (In Russian).

Федорова 2012 – Fedorova T.A. *Poetika prozy Alekseya Varlamova* [The Poetics of Alexey Varlamov's prose]. PhD Thesis Abstract. Astrakhan', 2012. (In Russian).

Поступила в редакцию 1.11.2023